

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОТНИ ПАМЕТ

ОТЕКУТ.

ВНЕ ЗАКОНА

Ронни Траумер

Опекун. Вне закона

«Автор»

2022

Траумер Р.

Опекун. Вне закона / Р. Траумер — «Автор», 2022

Меня забрал из дома насильно совершенно чужой человек, заявив, что с этого дня он мой официальный опекун. Только я взрослый человек, у меня своя жизнь, любимая работа и друзья. Он забрал у меня всё, без объяснения. Но зачем забирать меня против воли? Запирать в своей квартире и вести себя со мной так, словно я ему что-то должна? Или я как-то перед ним провинилась? И когда я получу ответы на свои вопросы?

© Траумер Р., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ронни Траумер

Опекун. Вне закона

Пролог

Прихожу домой под утро, уставший как собака. Я уже не в том возрасте, когда можно бухать днями напролёт, а на утро просыпаться, словно вчера пил одну воду. Но Агафонов после заключённых сделок всегда устраивает пир на весь мир. Мне изрядно надоели эти сборища зажиточных мужиков, но отказаться не могу, чтобы не терять связи. Слава богу, что на этот раз обошлись игрой в карты, дорогим виски и охотой. Агафонов старше меня, но энергии и сил в нём на зависть другим.

Квартира встречает меня темнотой и тишиной, лишь огни всё ещё спящего города сверкают вдалеке через панорамные окна. Подхожу ближе и, засунув руки в карманы брюк, вглядываюсь вдаль.

Всё чаще стали посещать мысли, что возвращаться в пустой дом не совсем то, что нужно человеку. Даже такому как я – грешнику с руками по локоть в крови. Может, я и давно перестал решать дела таким способом, точнее, реже это делаю, но отмываться мне придётся даже после смерти. Сам ведь выбрал этот путь – молодой был, амбиций выше крыши, желание выбраться из нищеты и возможность, которая так удачно попалась мне на пути.

Ладно, былое не вернуть и тем более не исправить. Устроил жизнь, купаюсь в бабле, от нищеты осталось одно только слово, добился уважения в городе, всё, как и хотел двадцать пять лет назад. Грех жаловаться на свою жизнь, но иногда всё же лезут в голову подобные мысли, в частности, когда во мне бочка алкоголя, как, собственно, и сейчас.

– Выспаться тебе надо, Марат, – с выдохом говорю своему отражению и, развернувшись, направляюсь к витой лестнице, собираясь наверх, в свою спальню, но застываю на месте, когда замечаю на широком диване девичий силуэт.

Как интересно!

Вопрос первый: откуда в моём доме посторонние? И вопрос второй: куда смотрит охрана?

Однако в голове всплывают слова Агафопова о том, что он приготовил для меня подарок, и вопросы отпадают. Вполне в духе Валеры – отблагодарить за помощь какой-нибудь девицей из элитного эскорта. Обычно они обслуживают нас на вечеринках, которые Агафонов устраивает в своем охотничьем доме, но не в эти выходные.

Ну что ж, отказываться от подарка будет невежливо, да я и сам не против снять напряжение.

Подхожу к бару и, плеснув себе двойную порцию виски, делаю глоток, чувствуя, как он обжигает горло. Осматриваю девку, и пьяный мозг пытается сказать, что выглядит она не совсем так, как другие шлюхи, но я не особо обращаю внимание на это. Может, фишка новая – не одеваться так, чтобы всё было на виду. Когда женское тело прикрыто, интереса становится больше.

А эта девица и вовсе действует необычно на меня. Длинные ножки в чёрных чулках, что так маняще выглядывают из-под подола платья. Длинные волосы прикрывают лицо, но оно меня, собственно, и не интересует. Больше привлекает то, что у неё между ног.

Член в штанах быстро приходит в боевую готовность, как только перед глазами всплывает картинка, как я ставлю девушку раком, наматываю эти волосы на кулак и выбиваю из неё крики, долбясь сзади.

Выпив залпом остатки виски, ставлю стакан на барную стойку намеренно громко. Сняв пиджак, бросаю его на кресло и шаг за шагом приближаюсь к спящей проститутке, которая, простонав, начинает шевелиться.

– Давай-давай, просыпайся, пришло время работать, – проговариваю я, попутно расстёгивая пуговицы белой рубашки.

– Что? – сонный голос приятный, но более приятными будут её губы, наверняка накаченные всякой химией, на моём члене.

Девка явно не понимает, что происходит, а у меня терпения нет: член стоит, а я устал и хочу отдохнуть, значит, сосать будет утром, а сейчас избавимся от стояка.

Сняв рубашку, я бросаю её на диван, рядом со шляпой, одним рывком ставлю девицу раком, поднимаю платье, оголяя округлую задницу в кружевном белье. Шлёпнув пару раз, заставляю девку крикнуть и какого-то чёрта дёргаться в попытке отстраниться.

– Вы кто? Что вы делаете? – испуганным тоном спрашивает, на что я только усмехаюсь.

– Играть любишь? – шепчу на ухо и наматываю её волосы на кулак. – Что же, поиграем, – киваю самому себе.

Пробираюсь свободной рукой под платье, нащупав грудь, освобождаю её от белья и сжимаю торчащий сосок. Девушка, вскрикнув, выгибается кошкой, упираясь задницей в мой пах. Грудь неплохая, настоящая двойка, упругая, с твёрдыми сосками. Опускаю руку к трусикам и, накрыв её промежность, довольно рычу, нащупав влажную ткань.

– Значит, тебе нравится пожёстче, – озвучиваю свои мысли. Выпустив стоящий колом член, отодвигаю кружевное бельё и одним толчком вхожу на удивление в тесное лоно.

– Нет! – кричит девица, начав брыкаться, но я, зафиксировав одной рукой её бёдра, второй сжимаю покрепче копну волос.

Она что-то там бормочет, но я уже не слышу, совершая толчок за толчком, что приближают меня к оргазму. Вскоре девка начинает громко стонать, сама подаваясь назад и насаживаясь на мой член. В крови столько алкоголя, что даже голова кружится, собственно, трахаю я её долго, словно не было секса месяц. А когда кончаю, падаю без сил на диван и почти мгновенно засыпаю, сделав себе пометку, что на этот раз Агафонов удивил меня своим подарком. Есть в этой девке что-то необычное, что раньше мне не встречалось.

– Утром попробуем твой рот, – последнее, что говорю перед тем, как уснуть мёртвым сном.

Только на утро эскортницы и след простыл, что меня не обрадовало. Кто от утреннего стояка избавлять будет?

Прихожу в себя медленно, чувствуя невыносимую сухость во рту. Встаю с дивана и плетусь к холодильнику за бутылочкой минералки, а когда возвращаюсь, замечаю на диване и на своей белой рубашке пятна крови.

– Что за хрень? – хриплым голосом спрашиваю в пустоту.

Но потом вспоминаю страсть Агафонова к девственницам, и пазл складывается. Я подобной страсти не разделяю, и хорошо, что был бухой, а то слушать эти нюни и быть аккуратным – не по мне.

Знал бы я тогда, кого на самом деле трахнул, сам бы себе пулю в башку пустил.

Глава 1

Год спустя

Лина

Сажу на стареньком диване в бабушкином доме и со слезами смотрю на фотографию всей когда-то счастливой семьи. Сейчас остались только я и мама, но и она борется за свою жизнь в реанимации. Врачи говорят, что состояние тяжелое, и они делают всё возможное. А я надеюсь, что мама справится, она у меня сильная и должна бороться за жизнь. Мне ещё предстоит огорчить её плохой новостью: сообщить, что она потеряла маму, а я бабушку. Лучше, конечно, повременить с этим, но зная маму, она первым делом спросит о бабушке.

– Лина, тётя Таня ушла, – говорит зашедшая в комнату Юля.

Я киваю, мысленно благодаря её в сотый раз за то, что она рядом, что помогает во всём. Вслух говорить не буду, а то она опять на меня станет рычать, мол, это её обязанность как лучшей подруги, что она ни за что не оставила бы меня одну. А я бы не справилась, спасибо соседям, что направили в нужную сторону, никогда не занималась похоронами и понятия не имела, как это делать.

Одно только начало волновать, и то после похорон – откуда взялся чек на более чем приличную сумму? На тот момент я была не в состоянии думать, но сейчас мне это не даёт покоя. Конечно, деньги были очень кстати, но мне не хотелось бы влезать в долги, и я очень сомневаюсь, что чек является жестом доброй воли.

– Напомни, пожалуйста, название какой фирмы было на том чеке? – смотрю на подругу, прищурившись.

– Мм...не помню, но что-то связанное с птицами, – задумчиво отвечает подруга.

– Птицы? – вопросительно выгибаю брови я. – Какие ещё птицы?

– Не знаю, Лин, может, это владелец фирмы, – говорит она, и я непонимающе хмурюсь. – Ну грузовик, который аварию устроил, – проясняет подруга.

– Точно, он принадлежал какой-то птичьей ферме, – соглашаюсь, вспомнив отчёт полиции.

– Видимо, компенсация, – разводит руками Юля и присаживается рядом со мной. – Ты похожа на своего отца, – проговаривает, смотря на фотографию в рамке, которую я держу в руках.

– Мама точно так же говорит, после чего плакать начинает, – грустно улыбаюсь я.

Папу я смутно помню, мне было пять лет, когда его не стало, но мама многое о нём рассказывала. Она любит его до сих пор и предпочла жить одна, посвятить себя моему воспитанию и никогда больше не выходить замуж.

– Очень красивый мужчина был, – цокает языком подруга.

– Самый красивый... – внезапно наш тихий разговор нарушает шум снаружи, а именно звуки захлопнувшихся автомобильных дверей.

Мы с Юлей переглядываемся и только успеваем встать на ноги, как в дом заходят трое мужчин, но внимание привлекает тот, что в центре. Высокий, что мне приходится смотреть на него снизу вверх, широкоплечий, а под серым пальто прячется в меру массивное тело.

Поднимаю взгляд выше и смотрю на его серьёзное лицо, на прямоугольный подбородок, покрытый едва заметной щетиной, прямой и аккуратный нос, чувственные губы и глаза – в них столько уверенности и внимательности, словно он всегда начеку и ожидает подвоха.

– Здравствуйте! – открывает рот Юля, потому что я этого сделать не могу.

Прошёл целый год, но я всю жизнь буду помнить мужчину, что забрал мою девственность. Он был пьян, я чувствовала запах алкоголя, будто он пил целую неделю. Но я помню

аромат его одеколона, никогда раньше не встречала такого вкусного запаха. Не знаю, что там намешано, но оттенки мускуса, кедра и ванили я почувствовала отчётливо.

Марата Самойлова знают все, и я в том числе. Знаю, чем занимается, но не думала, что встречу с ним вновь. Даже больше – я делала всё возможное, чтобы не дай бог с ним не пересечься. Но с моей работой это очень даже возможно.

Сбежала я в то утро как трусливая мышка, лила слёзы до самого дома и молилась, чтобы он не узнал меня. Ещё месяц после случившегося я вздрагивала, когда мама упоминала свою работу, оглядывалась по сторонам, думая, что он вот-вот выскочит передо мной и... не знаю, что ему могло от меня понадобиться. Но я боялась за себя, за маму. Боялась опозорить её.

И теперь, спустя год, он появился в доме моей бабушки, заставив меня окаменеть от неожиданности.

– Здравствуйте! – сухо кивает мужчина подруге и переводит взгляд на меня.

Кровь схлынула с лица, ноги задрожали – я вот-вот грохнусь в обморок. Его глаза пугают до чёртиков, а воспоминания той ночи обрушиваются на меня, как поток ледяной воды. Я не могу сказать, что мужчина взял меня силой, спросонья я даже не поняла, что происходит, а когда поняла, возбуждение уже достигло максимума, и сопротивление сошло на нет. Не смогла совладать с собой, он был таким... таким... Боже, кровь начинает кипеть при одном лишь воспоминании.

– Собери свои вещи, – твёрдо говорит мужчина своим низким, пробирающим до мурашек голосом.

– Зачем? – подаётся вперед подруга, так как ко мне способность говорить всё ещё не вернулась.

Но Марат не обращает на неё внимания, продолжая смотреть на меня. В какой-то момент он хмурится, сморщив лоб, словно что-то вспоминает, и меня бросает в жар.

– Каролина? – мужчина делает шаг вперёд и щёлкает пальцами перед моим носом. – Ты в порядке? – спрашивает, и вроде нет скрытого смысла в этом вопросе.

– Д-да, – едва слышно отвечаю, кивнув.

– Ты едешь со мной! – заявляет тоном, не терпящим отказа.

Что значит «ты едешь со мной»? На каком основании и... какого чёрта происходит вообще? Я побаиваюсь его, но больше боюсь, что он вспомнит, с кем был в ту ночь. Вдохнув побольше воздуха и морально набравшись сил, я гордо вздёргиваю подбородок.

– Куда и зачем? – задаю вопрос, выдерживая взгляд пронзительных серых глаз.

– Куда скажу я, – ответ звучит грубо и резко, ему явно не по душе расспросы.

– Не собираюсь никуда ехать с незнакомыми людьми...

– С сегодняшнего дня я твой опекун, и ты делаешь то, что говорю я, – приблизившись, он шипит мне это в лицо, а я окончательно впадаю в шоковое состояние. – Либо своими двумя, либо с помощью моих людей, но ты сядешь в машину.

Замираю на месте, смотрю в серые глаза и понимаю, что мужчина не шутит. Но разве такое возможно? Я давно совершеннолетняя, какой к чёрту опекун? И во-вторых, у меня есть мама, зачем мне опекун? Или...?

– Что с мамой? – тут же спрашиваю, схватившись за локоть подруги.

– Её переводят в другую клинику, в Питер, – отвечает Марат, делая шаг назад и поправляя рукава пальто, а я облегчённо выдыхаю. – У тебя пять минут, – добавляет, коротко на меня взглянув.

– Я не поеду с вами никуда! – твёрдо заявляю.

Ну правда, это бред собачий! Да и не потащит же он меня силой? Просто напугать решил, думая, что его угроза возымеет на меня эффект.

– Поедешь, – сухо бросает и кивает своим охранникам.

Не успеваю додумать мысль, как меня хватают с двух сторон и, приподняв над полом, выносят на улицу. От шока я даже не кричу, просто, выпучив глаза, теряю всякую способность что-то делать, позволяя двум амбалам меня нести.

– Вы что себе позволяете? – слышу голос Юли. – Я полицию вызову!

На неё никто даже внимания не обращает, и когда мы выходим на улицу, она уже принимается кричать.

– Помогите! Помогите!

– Рот закрой, или тебя заставят, – рявкает на Юлю Марат именно в тот момент, когда во дворе появляется наш сосед дядя Витя.

– Эй, мужики, вы что творите? – впопыхах спрашивает, поправляя на голове шапку.

– Вернитесь на свою территорию, – заграждает ему путь ещё один охранник.

На улице их оказалось больше, собственно, и автомобилей у ворот целых три, и все одинаковые, как и мужчины в чёрных костюмах рядом.

– Ну чё вы к девчонкам пристали? – не сдаётся дядя Витя. – Отпустите их, не хотелось бы полицию вызывать, – после этих слов к нему подходит Марат и сует под нос какую-то бумажку.

– Вопросы есть? – спрашивает он дядю Витю, и тот, мотнув головой, бросает сочувствующий взгляд на меня, после чего, развернувшись, уходит к себе. – В машину! – приказывает Марат охранникам, и через несколько секунд я оказываюсь на заднем сиденье внедорожника.

– А что с ней? – спрашивает один из охранников своего босса, кивнув в сторону моей подруги.

– Не трогайте её! – тут же кричу, вернув себе способность говорить.

Порываюсь выпрыгнуть из машины на помощь Юльке, но Марат, быстро среагировав, садится рядом со мной, тем самым закрыв мне путь.

– Увезти домой, здесь всё на замки закрыть, – сухо отдав приказ, он захлопывает дверь. – Трогай, – обращается к водителю, и автомобиль плавно вырывается на дорогу.

Пока не выезжаем на асфальтированную трассу, я сижу на кожаном сиденье вполоборота и смотрю на Марата Самойлова. Всё, что я о нём знаю, – он алкогольный король, один из самых богатых людей нашей культурной столицы, и моя мама очень много лет работает домработницей в его доме.

Меня не особо интересовали городские богачи, кто и чем владеет, или что там происходит в других слоях общества.

Не знаю, может, не у всех так, но мы, те кто находится на несколько социальных ступеней ниже, живём другой жизнью. И я сейчас не в плане денег, а об интересах. Я, например, много и упорно училась, мама в буквальном смысле заставляла, чтобы у меня была хорошая жизнь и достойная работа. И я мечтала о поступлении в институт, о будущем, у меня был свой мир, планы и мечты, и интересы следить за теми, кто имеет толстый кошелёк, не возникало. Естественно, о подобных Марату Самойлову пишут в газетах, социальных сетях и новостных каналах, однако я не считала нужным собирать информацию. К тому же мама всегда говорила, что лучше следить за собой и не совать свой любопытный нос куда не надо.

Собственно, чем живёт Марат, я не знаю и тем более не могу понять, зачем я ему сдалась. Ох чёрт, как я сразу не поняла-то? Мама ведь в больнице, а значит работать некому, и я лучшая кандидатура. Это так логично и очевидно... нет, подождите, зачем тогда заявлять, что он мой опекун?

– Что происходит? – решаюсь спросить его, а не строить теории в голове.

Мужчина продолжает что-то печатать на планшете, не обращая внимания на меня. Медленно, но уверенно нервозность и страх отпускают, и теперь я начинаю злиться, особенно когда моё второе обращение остаётся незамеченным или, скорее всего, просто проигнорированным.

– Мне нужны ответы! – повышаю голос и нагло вырываю планшет из его рук.

Марат застывает каменной статуей на несколько долгих секунд. Вижу, как сжимается челюсть, как играют желваки на его лице, и как, закрыв глаза, он глубоко вдыхает. Отодвигаюсь назад, вжавшись в дверцу и нервно заламывая пальцы.

Ты ведь только что упомянула, что ничего о нём не знаешь и в тот же момент дразнишь зверя. Он ведь вылитый дикий хищник, только в дорогом костюме. Где твой инстинкт самосохранения, Лина?

– Никогда больше так не делай, – пугающе спокойно проговаривает и медленно поворачивает голову в мою сторону.

– А то что? – вопрос вырывается прежде, чем я успеваю подумать.

Это, к сожалению, у меня часто бывает. Сама по себе я человек импульсивный и эмоциональный: никогда не отличалась послушанием, в детстве была как мальчик, но со временем мне стало стыдно, что маме приходится краснеть перед соседями или учителями в школе. Она жизнь мне посвятила, а как я её благодарила?

Взрослела и менялась, но та бунтарка всегда со мной и то и дело вырывается наружу. За словом полезу не только в карман, но и в душу. Всегда стою на своём, даже когда не права, очень быстро вспыхиваю, если что-то не по-моему.

За последнюю неделю я пережила страшное – сообщение об аварии, о смерти бабушки, о тяжёлом состоянии мамы. Скисла, сдулась... как ещё сказать?! Потерялась немного, особенно когда мужчина из прошлого оказался передо мной. Но ещё никогда Каролина Аксёнова не позволяла подобного обращения с собой!

– Сбавь пыл! – требовательно проговаривает мужчина и, словно я пустое место, выхватывает у меня свой планшет и продолжает пялиться в экран.

И тут я делаю то, о чём очень сильно потом пожалею.

Наполнившись злостью и раздражением до краёв, я нажимаю на кнопку, открывающую окно, и тонированное стекло опускается.

– Немедленно закрой окно... – только и успевает сказать Марат, как я выхватываю планшет из его рук и выкидываю в окно, наблюдая за ошарашенным мужчиной.

Он сидит неподвижно, даже руки в той же позе, словно продолжает держать гаджет, лицо медленно меняет цвет на багровый, а в глазах Самойлова я вижу свою смерть. Они становятся тёмными, даже чёрными. Губы сжимаются в тонкую линию, грудь ходуном ходит, ноздри раздуваются, как у быка перед прыжком.

– Я задала вопрос, и мне нужен на него ответ, – проговариваю, делая вид, что не испытываю ни капли страха.

На деле едва дышать могу и мысленно ругаю себя за свою импульсивность. Когда я уже научусь сначала думать, потом делать? Но, чёрт возьми, он меня разозлил! Я не пустое место, чтобы себя так со мной вести! Мало того, что он приехал, силой и угрозами забрал меня из дома бабушки, бросив короткое «я твой опекун», так ещё не желает ответить на простой вопрос. Сложно вести себя по-человечески?

– Ты понимаешь, что ты только что сделала? – пугающе спокойным тоном спрашивает, устремив взгляд куда-то рядом со мной.

– Обратила на себя внимание, – гордо заявляю, расправив плечи.

– Валера, окна закрой и двери заблокируй, – переводит взгляд на меня и осматривает с ног до головы, остановив взгляд на моём лице. – На той вещице были важные документы, – тем же до жути спокойным голосом произносит, оставаясь расслабленно сидеть.

– Мне нет дела! Я спросила, что здесь происходит, и вы должны мне ответить! – требовательно заявляю, выдерживая его испепеляющий взгляд.

Если бы глазами можно было сжечь, от меня остался бы только пепел.

– Вся в отца, – мотает головой мужчина, на что я прищуриваюсь.

– Что вы сказали? – подаюсь вперед, нервно задышав.

– Я не терплю, когда меня не слушаются и не выполняют мои... просьбы, – на последнем слове он делает акцент, и я уверена, там точно не просьбы имелись в виду.

– Мне нужны ответы! – кричу на него, окончательно выходя из себя.

Бесят до зубовного скрежета это его спокойствие и тон, с которым он со мной разговаривает. Я не одна из его дрессированных обезьян, чтобы по команде прыгать!

– Ещё раз повторю – сбавь пыл и прояви уважение, – это заявление окончательно меня злит.

Сорвавшись, подаюсь вперёд и вцепляюсь в ворот его пиджака. Но едва успеваю открыть рот, как машина тормозит, дверь с моей стороны открывается, и кто-то за ноги тянет меня из машины. Схватив поперёк живота, один из охранников куда-то меня несёт. Осмотревшись по сторонам, при этом требовательно крича, чтобы меня отпустили, я понимаю, что мы находимся на подземной парковке. За нами не спеша идёт Марат, ни капли не волнуясь, что я ору на всю парковку, и что на нас смотрят несколько посторонних людей. Судя по размерам и количеству машин, это парковка жилого дома, и жильцам будет что обсудить сегодня вечером.

Меня отпускают только после того, как мы заходим в просторный лифт вместе с Маратом и ещё одним охранником. Краем глаза вижу, как второй мужчина в чёрном нажимает кнопку двадцать пятого этажа, и понимаю, что приехали мы к Самойлову домой.

– Ваши люди невоспитанные обезьяны, – бурчу, поправляя на себе чёрную и уже основательно помятую блузку.

Марат бросает на меня короткий и безэмоциональный взгляд, всем своим видом показывая, что ему глубоко плевать на моё мнение. Да, я и сама не особо красиво себя вела, но меня буквально похитили из дома бабушки, а он вроде приличный и уважаемый человек и вместо того, чтобы объяснить мне человеческим языком, что происходит, выбрал дикие методы. Словно я преступница, которая что-то у него украла и спряталась в глухой деревне, а он наконец-то меня нашёл и теперь заставит отработать. На деле это он тут преступник, который украл мою девственность и даже не вспомнил об этом!

Так, Лина, меньше часа назад ты молилась, чтобы он и не вспомнил, что изменилось?

Неприятно и даже немного обидно, что ты отдала человеку свою невинность, а он даже имя твоё не знает. Если бы я не уснула на том диване, ничего бы не было. А моя первая ночь была бы с любимом человеком в романтической обстановке, а не с дикарём, который и не позаботился о моих чувствах.

А вот врать не надо, Лина, – насмешливо проговаривает голос в голове.

Ладно, не буду лукавить, было безумно хорошо. Поначалу некомфортно, больно, но потом... Неосознанно перевожу взгляд на Марата и возвращаюсь в прошлое, где этот мужчина умело довёл меня до оргазма. Словно что-то почувствовав, Самойлов поворачивается ко мне, и, судя по тому, как горят мои щёки, я красная как спелый помидор. Испугавшись, что у меня всё написано на лбу, я отворачиваюсь к стене, и в тот же момент лифт останавливается, а створки разъезжаются.

– Я сама! – возражаю, когда охранник пытается схватить меня как мешок картошки.

Бросив взгляд на своего босса и получив едва заметный кивок, мужчина убирает от меня свои руки, но подталкивает в спину, чтобы я сдвинулась с места. Куда идти, я знаю: никогда не забуду этот коридор и чёрную массивную дверь квартиры, из которой я выбежала год назад. Но старательно делаю вид, что я здесь впервые и понятия не имею, в какую сторону идти. Естественно, заметив моё замешательство, охранник помогает, подтолкнув в нужную сторону. Чувствую себя, словно задержанный в полицейском участке, который убил несколько людей и не заслуживает уважения.

Подойдя к той самой двери, Марат сам её открывает ключом, и я неосознанно фыркаю: думала, что и это охранники сделают. Не удивилась бы, если так и было, они, наверное, и еду его пробуют перед тем, как он за стол садится.

– Заходи, – обращается ко мне Самойлов, включая джентльмена и пропуская меня вперёд.

Немного замаявшись, осматриваю каждого по очереди и понимаю, что выбора у меня нет – либо я сама перешагну порог этой квартиры, либо меня туда занесут. Обречённо вздохнув и пытаюсь унять бешено колотящееся сердце, делаю шаг и оказываюсь в знакомом доме.

Через секунду за моей спиной хлопает дверь, и, вздрогнув, я оборачиваюсь, но... никого. А когда раздаётся звук поворачивающегося ключа, я и вовсе понимаю, что меня заперли. Отлично просто, не видать тебе, Лина, ни ответов, ни приветов.

Глава 2

Лина

Бродила я по квартире часа два, не зная куда себя деть и надумывая всякое. Ну как бродила – дальше гостиной и ванной комнаты не ушла, большую часть времени сидела на тёплом полу у окна во всю стену, наблюдая, как день сменяет ночь. Сидела и перебирала все варианты в голове, но так и не нашла логики в поступке Самойлова. Не могу понять, на кой чёрт я ему сдалась? У меня в голове не укладывается, как вообще можно стать опекуном взрослого человека? Может быть, я, конечно, и не знаю ничего о подобной процедуре, но я взрослый человек и не нуждаюсь в опекуне.

Но больше всего волнует, что забрали меня из дома бабушки в чём была – чёрной тонкой блузке на пуговицах и таких же чёрных узких штанах. Ни куртки, на улице так-то конец осени, ни сумки, ни кошелька с документами, ни, что самое главное, телефона. Как я узнаю новости о состоянии мамы? Так, Самойлов сказал, что её перевели в другую клинику в городе, получается, я даже не знаю, где она.

Чёрт!

Бросаю взгляд на стационарный телефон, но даже позвонить некому, спросить хотя бы в какую клинику перевели маму. Но одного человека я всё же набрать могу. Встав с пола, я иду в сторону тумбы, где покоится телефон, и набираю номер, который знаю наизусть.

– Аллю, – раздаётся по ту сторону, и я облегчённо выдыхаю.

– Юль, это Лина, – сообщаю подруге, прислонившись к стене.

– Лина! Боже! Как ты? Где ты? Что от тебя хочет этот тиран? Я так волновалась, в полицию позвонила, но надо мной поржали и бросили трубку, – тараторит как сумасшедшая – в этом вся Юлька.

– Я в порядке, относительно. Плохого мне ничего не сделали, – спокойным тоном отвечаю. – Пока что, – добавляю, вспомнив свою выходку в машине. Уверена в том, что мне этого просто так не оставят.

– Я так за тебя боюсь! Весь интернет перелопатила и столько всего начиталась про этого Самойлова, – цокает языком подруга.

– Например? – спрашиваю и устраиваюсь на полу, так как разговор будет долгим, судя по всему.

– Например, что он поднялся в девяностых, и не секрет, что все, кто тогда поднялся, делали это незаконно, пройдясь по головам, – со знанием дела начинает рассказывать Юлька. – У него ликёроводочный завод «Соловей», Самойлова обвиняли в убийстве много лет назад, подозревали, что занимается контрабандой, а за его спиной гора трупов...

– Ты всё это в интернете прочитала? – перебиваю её, прищуриваясь.

– А где ещё, – отвечает, и я усмехаюсь.

– Ну это же пресса, мало что они там пишут. Не думаю, что это правда...

– Ты дуручка, Лин? – возмущённо обращается она ко мне. – Такие, как он, хорошими не бывают.

– Какие «такие»? – прикусив губу, спрашиваю я.

Понимаю, что, возможно, она права, ведь много раз по новостному каналу передавали подобные истории. Даже фильмов куча, где те, кто поднялся в девяностых, теперь «законнослушные граждане», типа чиновников, депутатов, владельцев крупных компаний. Но я не хочу в это верить! Не хочу думать, что моя мама столько лет работала на бандита, а теперь он заявил, что является моим опекуном, и запер меня в своём доме. Разве мама не поняла бы, что с этим человеком не всё чисто, если каждый день в его белье копалась?

А что если она знала?

Да нет, невозможно. Мама не стала бы работать на такого человека. Она у меня слишком хорошая, чтобы получать деньги у того, кто по головам ходит. Это, получается, грязные деньги, а мама у меня честная и правильная. Она не стала бы.

– Ой, Линочка, ты такая наивная, – вздыхает по ту сторону линии подруга. – Разве он бы стал таким образом забирать тебя, как неандерталец? Если бы был хорошим человеком? Знаешь, волк шкуру меняет, а привычки нет. Эти заморочки из прошлого века...

– Ладно, ты мне не помогаешь, – прерываю её я.

– Прости, я не подумала, что ты там одна, тебе и так страшно, – виноватым голосом проговаривает. – Я не знаю, что делать, как тебе помочь, – шмыгает носом.

– Не переживай, он ничего плохого мне не сделает, – убеждаю подругу, несмотря на то, что сама в это не верю.

Никому не нужна обуза в виде двадцатитрёхлетней девушки, и я не понимаю, почему меня сюда привезли. Но вряд ли чтобы обо мне заботиться. Самойлов мне никто, мы не родственники, не друзья, нас связывает только то, что моя мама была домработницей в его доме, сколько я себя помню. Может быть в этом причина?

Возможно, но если он бы хотел помочь дочери той, кто столько лет на него работает, мог просто денег дать и помочь маме, но вот зачем заявлять на меня права, я не понимаю.

Может, мама что-то сделала? Вдруг она увидела то, чего не должна была увидеть, и он решил от неё избавиться, но не вышло? Он перевёл её в другую клинику, чтобы следить за ней, первым узнать, когда ей станет лучше, и... Господи, Лина, кино насмотрелась? Что за чушь ты несешь?

– Алло, – напоминает о себе подруга. – Ты ещё здесь?

– Да, – хрипло отвечаю и в этот же момент слышу, как поворачивается ключ в замке. – Мне пора, ты не волнуйся за меня и поливай мамины цветы, по возможности позвоню, – быстро проговариваю, встав на ноги, и отключаю звонок.

Марат заходит в квартиру и первым делом находит меня глазами при тусклом свете настенного светильника. Он внимательно осматривает моё лицо, переводит взгляд на тумбу рядом со мной, потом на телефон в моей руке, который я тут же кладу на место.

– Кому звонила? – прищуривается, слегка наклонив голову набок.

– Не твоё дело, – выплёвываю я.

– Ошибаешься, – хмыкает как-то злобно. – Всё, что касается тебя, теперь моё дело, – говорит и делает шаг в мою сторону.

Приближаясь ко мне, мужчина снимает пальто и бросает его на высокий стул у кухонного островка, что разделяет саму кухню от гостиной. Осознаю степень катастрофы только сейчас, когда осталась с ним один на один в закрытом помещении. В его квартире, где сколько не кричи, никто не поможет. Уверена, что в таких люксовых жилых комплексах стены толстые, и не удивлюсь, если присутствует и звукоизоляция.

Всё же Юльке удалось меня напугать своими байками, и я делаю пару шагов назад, пока Самойлов продолжает на меня наступать. Смотрю в его затуманенные глаза и понимаю, что стоило бы и в самом деле сбавить пыл. Это ведь не мальчик с района, который пинал мой рюкзак в школе, стукнуть его книжкой по голове не получится. Точнее – получится, но без наказанной не останусь, а я уже провинилась, когда выкинула его рабочий планшет в окно. Господи, чем я только думала?!

– Я спрошу ещё раз – кому ты звонила, Каролина? – угрожающим тоном спрашивает Самойлов, смотря на меня пугающим взглядом.

– Не ваше дело, – повторяю свой ответ и тут же прикусываю себе язык до боли.

Ну видно ведь, что я его злю, а Самойлову ничего не стоит стукнуть меня по голове, чтобы в следующий раз я думала, прежде чем рот открывать. Смотрю на его лапищи и понимаю, что если это произойдёт, то я лягу рядом с мамой в больнице.

– Каролина! – предупреждающе цедит сквозь зубы.

– Вы не имеете права расспрашивать меня! – срываюсь, повысив голос. – Какого чёрта вообще происходит? На каком основании вы меня похитили? Против воли из дома забрали без вещей и телефона! Я даже не знаю, что с моей мамой? – на последнем вопросе из глаз катятся слёзы.

Устала, и так неделя была сложная и болезненная, ещё и он явился непонятно зачем и, к тому же, ничего не объясняет, на вопросы мои не отвечает. Почему я должна отвечать на его?

– С Катей всё хорошо, она под присмотром лучших врачей, – эта фраза меня немного успокаивает, я услышала самое главное.

– Зачем вам я? – всхлипнув, спрашиваю после долгой паузы, во время которой он внимательно меня осматривает.

– Хватит сопли разводить, – сухо бросает и идёт в сторону бара, что находится позади меня.

Может, он изначально туда направлялся, а ты уже надумала, что тебя наказать хотят? – мелькает в голове, и, поджав губы, я иду за ним. Достав из цилиндрического стеклянного шкафа бутылку с какой-то коричневой жидкостью, Самойлов наклоняется и достаёт из-под барной стойки квадратный стакан. Налив себе порцию, проходит к дивану и, словно он здесь один, садится и делает глоток, даже не поморщившись.

– Вы нарочно это делаете? – возмущённо спрашиваю, вытерев слёзы и повернувшись всем корпусом к нему.

– У меня был долгий и тяжелый день, не выноси мне мозг, – лениво отвечает, чем злит меня ещё больше.

– А по-вашему, у меня день прошёл легко? – сжав кулаки, делаю шаг к нему.

– В квартире пять спален, выбирай себе любую и скройся с моих глаз, – с нажимом в голосе проговаривает он, и это становится последней каплей для моего самообладания.

В считанные шаги оказываюсь рядом с ним, с силой вырываю чёртов стакан из рук Самойлова, расплескав содержимое на его белую рубашку, и бросаю на пол. Встретившись с мраморным покрытием, стеклянная ёмкость разбивается, и осколки оказываются в коричневой луже у наших ног.

Поздравляю, Лина, опять действуешь прежде, чем подумать.

Марат с минуту, а может и больше, сидит, приковав взгляд к полу, а потом, зашипев сквозь зубы, медленно поворачивает голову ко мне. Под его взглядом я трясусь ещё больше, а сердце и вовсе готово из груди вырваться.

– Убери! – приказным тоном говорит он.

Нет, ну вот как оставаться спокойной и не творить глупости, когда он обращается со мной, как с пустым местом?

– И не подумаю! – заявляю я, и мне не понятно откуда смелость в голосе, если внутри всё дрожит от страха, ведь я дразню зверя, дергая за усы.

– Убери, пока я не вытер пол тобой, – его спокойная поза пугает больше, чем сталь в голосе.

На секунду я уже представила эту картинку, и мне, мягко сказать, она не очень понравилась. Но смотрю в глаза Самойлова и понимаю, что он с лёгкостью это сделает. Однако моя гордость не позволяет выполнять его приказы. Я бы убрала, честное слово, но не после его угроз.

– Вы этого не сделаете, – гордо вздёргиваю подбородок вопреки своим мыслям.

Марат так резко встаёт с дивана, что, вскрикнув, я делаю шаг назад, чтобы ещё раз вскрикнуть, только на этот раз от пронзающей боли в ступне.

– Не играй с моим терпением, девочка, – шипит он сквозь зубы, нависая надо мной как гора.

– Тогда ведите себя как нормальный человек, – сквозь слёзы выплёвывая ему в лицо, чувствуя, как капроновый носочек пропитывается чем-то тёплым.

– Мало тебе в детстве по заднице давали, – проговаривает, сжав челюсть до скрежета зубов и вызывая во мне новую порцию злости и возмущения. – Мужской руки не хватало, – добавляет, и эмоции во мне смешиваются.

Злость, гнев, обида и боль – всё в кучу, что хочется кричать, плакать и лупить его кулаками по груди.

– Не смейте мне такое говорить! – кричу, всё же заплакав крокодильими слезами. – Вы не имеет права! – бью кулаком по его груди, но только себе больно делаю. – Урод! – срывается с моих губ, и меня тут же хватают за плечи с такой силой, словно в тиски зажали, и, подняв над полом, бросают на диван с неприкрытой злостью. Если бы не мягкие подушки, я бы точно получила сотрясение мозга.

– Ты совсем отбитая, – рычит Самойлов, наклонившись ко мне. – Я займусь твоим воспитанием, будешь как шёлковая уже через неделю.

Смотрю во все глаза на этого тирана и задыхаюсь от возмущения. Что значит «займусь твоим воспитанием»? Мне что, пять лет?

– Что за чушь... – пытаюсь что-то сказать.

– Закрой уже свой рот! – рывкает на всю квартиру. – Весь день мне мозг трахаешь. Ни воспитания, ни чувства такта, куда Катя смотрела?!

– За вашим домом смотрела! – рывкаю в ответ, не преставаая лить слёзы.

– Надо было раньше вмешаться в твоё воспитание, выросла бы нормальной...

– Это вы мне о нормальности говорите? – приподнимаюсь и смотрю в серые глаза. – Вы меня похитили! – твёрдо заявляю.

– Невыносимая истеричка, – вздохнув, он мотает головой. – Приберись здесь, я вернусь и проверю, – с этими словами он разворачивается и удаляется, скрывшись за углом коридора.

Наверняка ушёл в свою комнату, знаю, что она на этом этаже, с того злополучного дня, когда маму заменяла. Лучше бы она взяла выходной, и мне бы не пришлось приходить сюда.

Должна была понять ещё тогда, когда он брал меня с такой дикостью на этом самом диване, что Самойлов жестокий человек. Но мама всегда хорошо о своём работодателе отзывалась. Он помогал ей с любыми вопросами, хорошо платил, даже очень хорошо, поэтому она и не уходила с этой работы. Но тот, кого я увидела сегодня, совсем не похож на того Марата Самойлова, о котором рассказывала мама.

Он грозился вытереть пол мной! Разве может такой человек быть хорошим?

Задев ногу, я шиплю от боли и, осмотрев ступню, нахожу в ней осколок стекла. Снимаю носок, который уже весь пропитался кровью, и аккуратно достаю кусок от стакана. Рана миллиметров пять, достаточно глубокая, ещё и кровоточит без остановки, а рядом даже салфетки нет, чтобы приложить.

Ну что, Лина, сама же от своей импульсивности и пострадала. Это тебе урок на будущее, в следующий раз хорошо подумай, прежде чем что-то вытворять. Но зная себя, никакой это не урок. Мне не удаётся контролировать эти порывы что-то разбить, когда я злюсь.

Сижу на диване минут пять, и мне становится стыдно за своё поведение. Стыдно, что маму опозорила своими действиями, Самойлов ведь наверняка не ожидал, что дитё женщины, которая работала на него столько лет, окажется такой... истеричкой.

Смотрю на результаты своей истерики и, сняв второй носок, кое-как перевязываю им раненую ногу, чтобы хоть немного остановить кровь. Встав с дивана, хромаю в сторону кухонной зоны, там есть дверца, внешне ничем не отличающаяся от мебели, однако за ней находится кладовка размером с ванную комнату в нашей с мамой квартире. Взяв всё нужное, я возвращаюсь, подметаю осколки и вытираю лужу. Уже собираюсь всё вернуть на место, как слышу голос за спиной:

– Почему хромаешь? – спрашивает Самойлов, и на миг я замираю, но, плюнув, продолжая свой путь, не собираюсь отвечать на его вопросы.

Вообще не буду с ним разговаривать и как-либо реагировать на него. Как он игнорирует меня, так я буду игнорировать его. Выберу себе комнату, даже знаю какую, я ведь была здесь, целый день мыла полы и каждый уголок в этой квартире, кроме кабинета Самойлова. Мама сказала – трогать там что-либо категорически запрещено. Но мне стало любопытно, и я заглянула и туда, посмотреть ведь никто не запрещал.

Не успела я закрыть дверь в кладовку, как меня подхватили на руки, и, вскрикнув от неожиданности, я хватаюсь за первое, что попало под руки – шею Самойлова. Закрыв рот и задержав дыхание, я смотрю на нахмуренного мужчину, слыша бешенный стук своего сердца в ушах. Он несёт меня к дивану, усаживает и поднимает мою ногу так резко, что я сползаю на спину.

– Твою же мать! Ну что за наказание на мою голову, – ругается себе под нос, сорвав бедный носок и осматривая мою ступню, которую я тут же выдёргиваю из его рук, когда мужчина касается её своими пальцами.

Терпеть не могу, когда кто-то трогает мои ступни, и мне не то что щекотно, просто странная реакция, словно у лошади, которой что-то не нравится и она бьёт копытом. Не хочу сравнивать себя с лошадью, но защитная реакция почти та же – хочется вырвать ногу, а если не получается, то бить. Странно, но что есть, то есть.

– Не дёргайся! – рывкает, сжав сильнее.

Приподнимаюсь на локтях и смотрю на Самойлова исподлобья, плотно сжав зубы и не скрывая всю свою ненависть к нему.

– Держи ногу так, – проговаривает и, развернувшись, уходит по коридору, ведущему к спальням и ванной комнате.

Вернувшись с аптечкой в руках, мужчина усаживается на диван и устраивает мою ногу на своём бедре. Со знанием дела Самойлов промывает мою рану, аккуратно сушит ватным тампоном, обрабатывает антисептиком и в конце накладывает повязку с помощью стерильного бинта. Я наблюдаю за этим округлёнными глазами, ведь не так давно этот человек грозился протереть мною пол, а сейчас он бережно занимается моей раной.

Что ты за человек такой? Может, твоя грубость всего лишь маска?

– Теперь иди в свою комнату, – приказным тоном произносит, отпихнув от себя мою ногу.

А нет, никакой маски, всё как есть.

Не имея желания с ним контактировать и лицезреть его морду, я встаю с дивана и, хромая, ухожу, чувствуя взгляд серых глаз на себе. Комнату я выбираю самую дальнюю, ещё год назад я убирала её и восторгалась.

Она чем-то похожа на люксовые номера в гостинице, где я работаю. Сразу, как заходишь, попадаешь в небольшой коридор, где по левую сторону дверь в ванную комнату с угловой ванной, душевой кабинкой и мраморной раковиной. Дальше идёт зона отдыха с небольшим диваном, журнальным столиком и телевизором метра на два. Так же у стены есть рабочая зона – письменный стол, кожаное кресло и полки для книг. Спальная зона находится дальше, и она разделена перегородкой, за которой скрывается круглая кровать с высоким изголовьем, обращённым к панорамным окнам. А так как эта комната находится на углу дома, получается, что окна тянутся с правой стороны и до левой стены.

Ещё тогда я представляла, как хорошо просыпаться утром и видеть город как на ладони, особенно прекрасно то, что окна выходят на реку. Если лечь на кровать, то кажется, что ты витаешь в воздухе. Осматриваю всё, и улыбка на лице расползается, наверное, впервые за этот день.

Но на часах время уже позднее, усталость и пережитые потрясения дают о себе знать, и, зевнув, я решаю лечь и отдохнуть. О том, что будет завтра, подумая завтра. Снимаю с себя

помятую блузку и, немного её встряхнув, аккуратно раскладываю на спинке дивана, то же самое делаю с брюками. Других вещей у меня нет, так что придётся утром одеть то же самое.

Я уже направляюсь в ванную комнату, когда дверь открывается и без стука заходит хозяин этих хором. Самойлов открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же его закрывает, когда замечает полуголую меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.